КРАСНОЯРСКАЯ
КРАЕВАЯ
БИБЛІОТЕКА
№19233
91-157
О-13.

ОБЪ АЛТАЙЦАХЪ

и

ЧЕРНЕВЫХЪ ТАТАРАХЪ *).

Приступая къ изложенію отчета о поѣздкѣ моей въ горный Алтай съ цѣлью изслѣдованія Алтайскихъ инородцевъ, я долженъ сказать, что она была вызвана мыслью объ изученіи вообще инородцевъ въ Сибири, предложенной Западно-Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Географическаго Общества и принятой имъ по опредѣленно-выработанной программѣ, внесенной мною въ Отдѣлъ въ прошломъ 1880-мъ году.

Дѣло, предпринятое въ настоящемъ случаѣ Отдѣломъ и выказанное имъ намѣреніе, имѣло особенное значеніе въ виду мѣстнаго и постояннаго, а не временнаго изученія инородцевъ, дабы можно было судить о постоянно совершающихся измѣненіяхъ инородческаго быта.

Сибирь, какъ извѣстно, представляетъ обширное поле для этнографіи и изученія расъ со всѣми совершающимися надъ ними измѣненіями подъ вліяніемъ времени и культуры.

Поставивъ цѣлью ознакомиться съ инородческимъ вопросомъ въ Западной Сибири, я имѣлъ случай сосредоточить въ своихъ рукахъ многія оффиціальныя и неоффиціальныя свѣдѣнія о расположеніи инородцевъ и настоящемъ числѣ ихъ. Какъ результатъ этихъ работъ представлены мною статистическія свѣдѣнія о существующемъ числѣ инородцевъ въ Западной Сибири. На основаніи этихъ свѣдѣній я позволю себѣ коснуться той картины, какую представ-

---

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 23-го марта 1881-го года.

ляютъ собою эти инородческія племена въ западной Сибири, а также выскажу тѣ соображенія, которыя побудили меня начать этнографическое изслѣдованіе съ одной изъ этихъ народностей, съ алтайской.

Инородческія племена въ Западной Сибири сообразно этнографическимъ особенностямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Въ сѣверной части располагаются финскія племена, вогулы и остяки, послѣдніе смѣшиваются съ самоѣдами. Финны занимаютъ округа Тобольской губерніи — Туринскій, Березовскій, Сургутскій и часть Тобольскаго; въ Томской губерніи они расположены въ Нарымскомъ участкѣ по Васъюгану, Парабели и другимъ рѣкамъ. Тюркскія племена занимаютъ среднюю и часть южной Сибири, они населяютъ Тобольскій, Тюменскій, Тарскій, Ялуторовскій округа, далѣе Томскій, Маріинскій, Каинскій. Наконецъ массу тюркскихъ племенъ составляютъ алтайскія племена Кузнецкаго и Бійскаго округа.

Южная часть Западной Сибири, Акмоллинская и Семипалатинская области заняты киргизами. По послѣднимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, которыя мы производили, оказывается, что тюркское населеніе преобладаетъ надъ финскимъ. Финновъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ 43.467 мужск. душъ, если-же мы выдѣлимъ 10.832 души самоѣдовъ, то ихъ окажется еще менѣе.

Татаръ, исключая алтайцевъ, въ двухъ губерніяхъ 50.466 душъ и алтайскихъ тюрковъ 48.258. Такимъ образомъ они составляютъ огромное большинство инородческаго населенія западной Сибири.

При распредѣленіи по округамъ и процентному отношенію къ русской народности видно, что въ Тобольской губерніи, въ Березовскомъ и Сургутскомъ округахъ инородцы превышаютъ число русскихъ; въ Тобольскомъ округѣ они составляютъ 16% русскаго населенія, въ Тюменскомъ 9%, въ Тарскомъ 7%, въ Туринскомъ 6%, въ Ялуторовскомъ 3%. Въ Томской губерніи наибольшій процентъ инородцевъ въ Кузнецкомъ округѣ 16%, въ Бійскомъ 12%, въ Томскомъ съ Нарымскимъ участкомъ 7%. Въ Маріинскомъ 2%, въ Каинскомъ 1% и въ Барнаульскомъ 0,56%.

Въ средней Сибири инородческое населеніе является вкрапленнымъ среди русскаго, на окраинахъ же оно представляетъ сплошную массу. Русскіе, заставъ инородческое царство въ Сибири, только раздвинули инородцевъ и оттѣснили ихъ къ окраинамъ. Но тѣмъ не менѣе около широкаго русла, гдѣ водворилась русская народность, соединилось много элементовъ инородческаго типа, безпре-

станно на нея воздѣйствующихъ. Два видныхъ явленія вслѣдствіе этого отражаются на жизни и исторіи Сибири. Первое — слитіе и скрещиваніе съ инородцами, которое отражается на русскихъ жителяхъ измѣненіемъ типа и воспріятіемъ инородческихъ привычекъ. Второе — воздѣйствіе на инородцевъ русской народности.

Несмотря на это весьма важное явленіе въ жизни Сибири, самое происхожденіе, бытъ и нравы инородцевъ далеко не опредѣлены и не выяснены. Къ такимъ весьма мало извѣстнымъ племенамъ принадлежитъ алтайская народность, не смотря на то, что значеніе ея въ исторіи Сибири огромно. Эта народность, какъ доказываетъ ея языкъ и происхожденіе, находится въ историческомъ родствѣ со всѣми татарами Тобольской и Томской губерній, хотя и измѣнившимися подъ вліяніемъ воспринятаго магометанства. Безъ изученія алтайцевъ трудно дать понятіе о сибирскихъ татарахъ, которыхъ застали русскіе и потомки которыхъ сильно видоизмѣнились въ мѣстахъ, уже занятыхъ русскимъ населеніемъ. Въ Алтаѣ, можно сказать, находится метрополія сибирскихъ тюрковъ. Здѣсь-же приходится искать ту цѣпь родства, которая связываетъ сибирскихъ инородцевъ съ племенами средней Азіи и Монголіи.

Вотъ что меня заставило остановиться на этой колыбели народностей и начать изученіе обширнаго инородческаго царства сначала съ бійскихъ и кузнецкихъ инородцевъ, гдѣ въ нетронутой еще мѣстности я разсчитывалъ найти путеводную нить къ изученію, а равно образцы и памятники первобытной культуры.

Въ собственномъ смыслѣ Алтайцы или племена, населяющія Кузнецкій и Бійскій округа носятъ различныя мѣстныя названія, данныя русскими, а именно: 1) *Черневыхъ татаръ*, 2) *Кумандинцевъ*, 3) *Телеутовъ*, 4) *Телесовъ*, 5) *Алтайцевъ Ойротовъ*, или *Алтайскихъ калмыковъ*, и 6) *Чуйскихъ теленгитовъ*. При этомъ надо замѣтить, что названіе калмыковъ дано алтайцамъ русскими, а самимъ имъ это имя неизвѣстно, таково-же названіе черневыхъ татаръ, которые себя большей частью называютъ *туба*, *тубалóры* или *їшиъ-кижы*. Расположеніе этого населеніе и названіе его сплошь и рядомъ смѣшиваются въ этнографіи. Такъ на этнографической картѣ азіятской Россіи, составленной по Венюкову, телеуты означены занимающими все пространство между Катунью и Телецкимъ озеромъ, и даже районъ алтайцевъ — ойротовъ. На самомъ дѣлѣ телеуты или телеутскія волости расположены въ Кузнецкомъ округѣ близъ Бочата, въ Томскомъ округѣ и только часть телеутовъ переселилась въ Найму и Улалу, миссіонерскія селенія. По

Біи нѣтъ вовсе телеутовъ и то, что Гельмерсенъ принялъ за нихъ (см. его путешествіе: «Телецкое озеро и Телеуты») оказались кумандинцами и по костюму и по образу жизни. Жители по Телецкому озеру, по Башкаусу и Чулышману и доселѣ называютъ себя телесами, но названіе телесъ пропадаетъ на Чуѣ. Что телеуты и телесы были не одно и тоже, видно изъ того, что въ 1652-мъ году по свидѣтельству Фишера, послѣдніе были подчинены и покорены телеутами. Чуйскіе теленгеты составляютъ двѣ дючины, они называются иногда урянхайцами. Говорятъ, что китайцы называютъ урянхайцами даже жителей около Телецкаго озера, т. е. телесовъ, присваивая имъ названіе алтынъ-норскихъ урянховъ. Но и это смѣшеніе оказалось невѣрно. На Чулышманѣ есть настоящіе урянхайцы — это саянцы или сойоты съ Кемчика, вышедшіе сюда вслѣдствіе голодовъ. Урянхайцы живутъ южнѣе по Кемчику, по озеру Косоголу, и часть ихъ между Кобдо и Черным Иртышемъ. Обозрѣвъ районъ по Біи, затѣмъ проѣхавъ отъ селенія Макарьевскаго на Улалу, проникнувъ до Телецкаго озера и далѣе по рѣкамъ Чулышману и Башкаусу, мы постарались опредѣленно отмѣтить районъ расположенія различныхъ инородцевъ. Изъ этого обозрѣнія оказалось, что по Біи отъ Енисейской волости, по Чепшѣ и Ишѣ расположены Кумандинцы. Отъ Улалы до Телецкаго озера находятся 7 волостей черневыхъ татаръ *Туба*, съ особымъ родовымъ названіемъ каждой волости. Районъ ихъ оканчивается на сѣверѣ Телецкаго озера, гдѣ мы нашли еще аулъ кергежской волости черневыхъ татаръ. Телесы нынѣ находятся на урочищѣ Беле, по юго-восточной сторонѣ озера и по рѣкѣ Чулышману. По правому берегу Катуни и ея притокамъ, справа расположена 1-я Алтайская дючина, или волость, остальныя 6 дючинъ находятся по лѣвой сторонѣ Катуни, по Урсулу, Кану, съ сѣвера ограничиваемыя русскими волостями, къ югу Уймонской управой и Катунскимъ хребтомъ. Двѣ чуйскія дючины живутъ по Чуѣ, Аргуту, Чеганъ-узуту, Каракему и Тополевкѣ. Въ своей поѣздкѣ мы достигли крайнихъ предѣловъ этого населенія. Такимъ образомъ удалось узнать современное распредѣленіе нынѣшнихъ алтайскихъ инородцевъ. Вездѣ, гдѣ мы могли, записывали роды или *сюоки*, отъ которыхъ алтайцы считаютъ свое происхожденіе. Изъ историческихъ преданій у телеутовъ сохранилось болѣе, чѣмъ у другихъ, воспоминаній о передвиженіяхъ. Изъ нихъ видно, что это было обширное племя, расположенное по Томи и отчасти по Иртышу. У нихъ упоминается Иртышъ и рѣка Акъ-умаръ, при чемъ отличается Акъ-умаръ,

бѣлый Умаръ и Кокъ-уморъ, синій Уморъ. Оттуда по ихъ преданіямъ они перешли на рѣкѣ Кулунду и Талду (можетъ быть кулундинская степь), гдѣ ихъ начали безпокоить киргизы. У Телеутовъ были вожди когда-то Мамытъ и Балыкъ, подданные Балыка находятся нынѣ подъ Томскомъ. Такимъ образомъ телеуты, это разсѣявшееся племя алтайцевъ.

Телесы пришли, по преданіямъ, съ рѣкъ Эдиль-текесъ, Эдильяикъ и Эрень-кабырга; рѣки эти, остающіяся миѳическими, играютъ видную роль въ пѣсняхъ и преданіяхъ алтайцевъ.

Черневые татары, живущіе между Катунью и Телецкимъ озеромъ говорятъ что они съиздавна жили въ черни, въ лѣсу и что земли по правой сторонѣ Катуни были всегда ихъ землями. Чернь— свои лѣса они воспѣваютъ какъ свое отечество. Когда-то они платили подать ойротамъ; подъ именемъ ойротовъ сохранилось воспоминаніе объ ойротскомъ союзѣ во всемъ Алтаѣ. Ойроты разсказываютъ, что они жили на Именъ-рѣкѣ, и собирали подати съ черневыхъ весной, что было для послѣднихъ весьма тяжело. Тогда, говоритъ преданіе, явилась женщина, которая пропѣла пѣсню начальнику ойротовъ:

Всякій жеребецъ имѣетъ приплодъ весною,
А всякій царь собираетъ дань осенью.

Это убѣдило ойротовъ измѣнить время сбора дани. Телесы и чуйцы, еще весьма недавно, были подчинены китайцамъ и платили ясакъ русскимъ, почему слыли двоеданцами. О владычествѣ китайцевъ у нихъ сохраняются живыя воспоминанія.

Не касаясь пока исторической стороны вопросовъ о переселеніяхъ племенъ, мы обратимся къ этнографическимъ наблюденіямъ.

До сихъ поръ надъ алтайскою народностью производились только лингвистическія изысканія, языкъ ея оказался тюркскимъ съ различными видоизмѣненіями, но лингвистическія изысканія, дѣлая весьма важныя указанія, конечно не могли исчерпать вполнѣ вопроса. Алтайская народность носитъ столь разнообразные типы, которые скорѣе указываютъ здѣсь на конгломератъ, собраніе народностей, подчинившихся когда-то сильно тюркскому вліянію. Лингвисты обыкновенно пользуются для классификаціи расъ и племенъ, для выраженія существующихъ между ними сходствъ и различій, данными и признаками, взятыми изъ изученія языка этихъ племенъ, но въ послѣднее время этнографіей въ связи съ антро-

пологіей установленъ другой родъ болѣе постоянныхъ физическихъ признаковъ.

Мы старались сдѣлать подробное описаніе типовъ алтайскихъ народностей, для чего прибѣгли къ измѣреніямъ, наконецъ составляли рисунки типовъ. Мы прибѣгли къ этому способу, потому что намъ казались неудовлетворительными общія и поверхностныя описанія признаковъ при томъ разнообразіи типа, который здѣсь встрѣчается. Разсматриваемыя съ этой антропологической точки зрѣнія алтайскія народности, судя по собраннымъ даннымъ представляютъ значительное разнообразіе. Уже прежніе путешественники замѣчали, среди алтайскихъ сѣверныхъ народностей, типы, которые давали имъ поводъ дѣлать заключеніе о смѣшеніи тюрковъ и алтайцевъ съ финскими племенами. Наружные признаки по первому впечатлѣнію дали поводъ г. Гельмерсену сравнить видѣнныхъ имъ черневыхъ татаръ Бійскаго округа съ чухнами Финляндіи. Какъ мы убѣдились сами, инородцы эти могутъ оставить подобное впечатлѣніе. Безбородыя лица черневыхъ татаръ и кумандинцевъ съ прямыми волосами, висящими космами и полуоткрытыми глазами дѣйствительно весьма напоминаютъ финновъ; около Кузнецка мы встрѣтили крещеныхъ—татаръ въ кошемныхъ пальто, съ трубками въ зубахъ и въ картузахъ,— которые еще болѣе напрашивались на сближеніе съ чухнами, но мы постараемся удержаться отъ окончательнаго заключенія по наружному виду до разработки матеріала. Все что мы замѣтили и что можно выяснить, это то, что татарско-монгольскій типъ, господствующій на югѣ Алтая, превращается на сѣверѣ въ лѣсахъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ въ болѣе чистый, почти европейскій типъ. Такъ называемые черневые татары рѣзко выдѣляются отъ смежныхъ телеутовъ, алтайскихъ калмыковъ и чуйскихъ теленгитовъ.

Наиболѣе типическое населеніе — это кумандинцы, отдѣленные съ юга отъ смѣшенія съ алтайцами бійскими черневыми татарами, а отъ телеутовъ черневыми-же татарами — кузнецкими. Въ этихъ волостяхъ мы встрѣчаемъ типы болѣе близкіе къ кавказскимъ, чѣмъ къ финскимъ. Скуластость пропадаетъ, глаза полуоткрытые, голубаго цвѣта, волосы каштановые и бѣлокурые. Мы поражались иногда замѣчательнымъ сходствомъ съ русскими лицами; бѣлокурость дѣтей выступаетъ еще рѣзче,— у нѣкоторыхъ, по цвѣту, волосы совершенный ленъ. Правда, кумандинцы ведутъ уже осѣдлый образъ жизни, по этому здѣсь любопытно наглядно изучить какимъ образомъ другія условія жизни вліяютъ на измѣненіе того-же

типа. *) Но и среди кочевыхъ алтайцевъ 7-ми дючинъ мы не нашли далеко тѣхъ признаковъ смуглости, которые ранѣе предполагались. По сравненіямъ съ хроматическими таблицами оказалось, что у алтайцевъ встрѣчается не мало волосъ каштановыхъ, но не черныхъ, какъ смоль. Цвѣтъ кожи, если мы устранимъ загаръ, весьма свѣтлый, и попадаются также субъекты голубоглазые. Такимъ образомъ по этимъ слѣдамъ уже видно, что алтайскіе народы носятъ признаки смѣшенія съ какими-то другими племенами и составляютъ переходный типъ. Здѣсь происходило какое-то слитіе расъ. Можетъ быть это слѣдъ великихъ передвиженій, можетъ быть наслѣдіе поглощенныхъ и исчезнувшихъ аборигеновъ, могилы которыхъ, отличныя отъ алтайскихъ, сохраняются еще въ долинахъ Алтая. Несомнѣнно, что алтайская раса — одна изъ переходныхъ расъ къ чистому европейскому типу **). Точно также представляютъ значительное разнообразіе алтайскія народности и въ культурномъ отношеніи. У насъ принято ихъ всѣхъ считать кочевниками, а черневыхъ татаръ дикими звѣроловами.

Что касается кочевниковъ, то это понятіе, смѣемъ замѣтить, получило черезчуръ широкое толкованіе въ Сибири. Отъ блужданія въ лѣсахъ, отъ жизни народа, перекочевывающаго со стадами до осѣдлаго быта, человѣчество прошло рядъ безконечныхъ степеней. Физическія и топографическія условія природы обусловливали человѣческое передвиженіе и самые способы жизни. Это легко видѣть на алтайскихъ народностяхъ.

Въ горномъ Алтаѣ мы видимъ, что алтайскій скотоводъ далеко не таковъ, какъ номадъ-киргизъ или монголъ, горы и горныя долины замкнули и ограничили его передвиженіе, перекочевки, и съузили ихъ до нѣсколькихъ верстъ, способъ перекочевки у нихъ иной, только на плоскогорьяхъ Алтая видны привычки кочевника Монголіи, пришедшаго съ привольныхъ степей.

Лѣса среди той же горной мѣстности еще болѣе замкнули и съузили переходы населенія, они создали особенную форму быта осѣдлыхъ кочевниковъ или охотниковъ. Въ этихъ лѣсахъ нахо-

---

*) На Мрассѣ живетъ населеніе бѣлокурое и русое, какъ намъ передавали, хотя оно живетъ дикарями и отдѣлено отъ русскихъ.

**) Алтайца, при смѣшеніи съ русскими, можно отличить: у него сохраняется типъ монгольскій, но у черневаго, при смѣшеніи, инородческій типъ исчезаетъ быстро, почти въ первомъ поколѣніи.

дятся какъ бы первые зародыши осѣдлости, поэтому можно судить, что лѣса имѣли огромное значеніе въ прикрѣпленіи человѣка къ землѣ. Въ нашемъ Алтаѣ мы встрѣчаемъ оригинальную форму быта лѣсныхъ кочевниковъ — таково населеніе Бійской и Кузнецкой черни. Ихъ жилища, кромѣ шалашей, деревянныя, четырехъ-угольныя. Эти жилища не переносятся, хотя лѣсной кочевникъ имѣетъ лѣтовку и зимовку для скота, но лѣсъ ему позволяетъ переходить только на двѣ, на три версты. Онъ уже почти осѣдлый житель.

Въ черни и лѣсахъ мы встрѣчаемъ нѣсколько типовъ жилищъ, служащихъ переходными степенями, начиная отъ простого шалаша изъ еловыхъ деревьевъ, *сююльты*, *аланчека*, покрытаго берестой, это родъ финскаго *кота*. При дальнѣйшемъ развитіи у степныхъ кочевниковъ шалашъ этотъ переходитъ въ юрту, у лѣсниковъ въ четыреугольную досчатую хижину *яйду*, имѣющую видъ шатра, которая встрѣчается на Біи и на Телецкомъ озерѣ, представляя собой четыреугольный шалашъ безъ оконъ. Бревенчатый шалашъ, покрытый землею, составляетъ зимовку, здѣсь является уже окно (кузенекъ); первоначально оно на верху, затянуто брюшиной и переплетено прутьями — начало рамы. Наконецъ въ той же зимовкѣ является глинобитная печь — чувалъ. Зимовка далѣе начинаетъ строиться изъ бревенъ въ 6 рядовъ, крыша скатомъ, покрытая землею, окно появляется на боку. Впереди зимовки дѣлается родъ сѣней и досчатый заборъ отъ снѣгу. Внутренность подобнаго жилища также совершенствуется, является кругомъ родъ лавки, покрытой берестой, вмѣсто очага печь, и дверь прикрѣпляется на первобытномъ шалнерѣ съ ремешкомъ. Лѣтовка и зимовка стоятъ рядомъ и первая можетъ превратиться во вторую.

Съ другой стороны шалашъ, состоящій изъ жердей и связанный двумя обручами у скотовода-алтайца, обволакивается кошмою— это начало юрты. Затѣмъ появляется подвижная юрта, подобная киргизской, но безъ чегаракъ-круга, хотя и съ отверстіемъ для дыма. Передвижная юрта по своему устройству есть одно изъ совершеннѣйшихъ жилищъ, съ замѣчательными приспособленіями. Форма ея, наиболѣе удобная для сопротивленія вѣтру—сферическая, жилище, окутанное кошмой—тепло, всѣ части его складныя и удобны для перемѣщенія. Но у кочевыхъ алтайцевъ и у черневыхъ существуетъ еще переходная форма, это шести и восьмиугольная бревенчатая юрта, съ конусомъ на верху, такова зимовка скотовода. Человѣку, привыкшему къ круглому помѣщенію, немы-

слимо перейти къ четыреугольному, и онъ изобрѣлъ многоугольный срубъ, замѣняющій ему старую юрту съ очагомъ по серединѣ.

Таковы постепенные переходы къ избѣ и четырехъ-угольному срубу. Зимовка уже начало избы. Еще шагъ и вы замѣчаете совершенно осѣвшее населеніе кумандинцевъ съ осѣдлостью въ самой первобытной формѣ, съ жилищами въ которыхъ уже созданъ первообразъ печки — чувалъ, и изба называется «спа».

Не смотря на то, что кумандинцы усвоили осѣдлость, позывъ переселяться изъ одной деревни въ другую черезъ нѣсколько лѣтъ, костры на дворахъ и приготовленіе пищи на воздухѣ напоминаютъ ихъ старыя привычки.

Въ рядѣ этихъ жилищъ мы встрѣчаемъ драгоцѣнныя указанія на всѣ переходы къ осѣдлости. Полукочевой бытъ или переходный бытъ встрѣчаетъ представителей у многихъ инородцевъ. Есть такъ называемые осѣдлые охотники и рыболовы, таковы по описанію Альквиста—вогулы. Часть остяковъ и самоѣдовъ, живущіе въ лѣсной полосѣ, обладаютъ избами. Иногда эта осѣдлость стоитъ рядомъ съ звѣроловнымъ бытомъ, и переходы совершаются въ одномъ и томъ же племени; когда часть народа стоитъ на степени бродячихъ дикарей, другая часть начинаетъ уже осѣдать. Въ переходныхъ степеняхъ инородецъ на распутьи: онъ усвоиваетъ себѣ нѣсколько образцовъ жилищъ, у него сохраняется старый чумъ, шалашъ, аланчекъ или сююльты, но рядомъ находится и зимовка — изба, скотный дворъ, кладовая. Даже инородцы, усвоивающіе русскую осѣдлость и такъ-называемые новокрещеные въ Алтаѣ, не могутъ сразу примириться съ избой, почему въ Улалѣ и другихъ миссіонерскихъ деревняхъ мы находили подлѣ избы обыкновенно юрту или шалашъ, гдѣ инородцы живутъ лѣтомъ.

Подобные шалаши — куàлà, употребляемые рядомъ съ избою для хозяйственныхъ принадлежностей, замѣчены и у вотяковъ, въ Казанской губерніи (Описаніе вотяковъ Казанской губерніи — Островскаго).

Точно также, и у кочующихъ скотоводовъ виденъ переходный бытъ. Зимовки ихъ понемногу группируются въ деревни, превращаются въ избы и населеніе половину года живетъ совершенно осѣдло. Таковъ образъ жизни Оренбургскихъ башкиръ. Проѣзжая здѣсь зимою и встрѣчая прекрасныя постройки съ чувалами и хозяйственной обстановкой, трудно заподозрить, чтобы это населеніе было кочующее. Ясно, что здѣсь одинъ шагъ до осѣдлости. Этотъ послѣдній шагъ мы встрѣчаемъ у осѣдлыхъ инородцевъ бій-

скаго и кузнецкаго округовъ, а также и у сибирскихъ татаръ. Они сохраняютъ древнія постройки, избы съ нарами, чувалами, но уже не кочуютъ. Есть свидѣтельства, что сибирскіе татары совершили этотъ переходъ еще до пришествія русскихъ.

Эти постепенные переходы и измѣненія формы жизни, совершающіяся подъ вліяніемъ вполнѣ естественныхъ побужденій, вызываемыхъ обстановкой природы, открываютъ намъ многое въ исторіи культуры и освѣщаютъ постепенные переходы человѣчества. Что касается промысловъ и занятій, то до сихъ поръ принято раздѣлять народы на звѣролововъ, скотоводовъ и земледѣльцевъ, обусловливая этимъ высоту ихъ культуры и степень развитія. Раздѣленіе это, вѣрное исторически и схематически, много сбивало людей, заочно представлявшихъ бытъ инородцевъ и его промыслы. На самомъ дѣлѣ, какъ трудно провести грань между полу-осѣдлымъ состояніемъ и осѣдлымъ, такъ трудно сказать, что извѣстному племени свойственно одно занятіе.

Въ первобытной культурѣ дикарей мы встрѣчаемъ зародыши какъ звѣроловства, такъ скотоводства и земледѣлія. Алтайскіе инородцы представляютъ собою примѣръ соединенія въ своей жизни разныхъ промысловъ. Земледѣліе существуетъ какъ у кочевыхъ алтайцевъ скотоводовъ, такъ и у лѣсныхъ дикарей, на половину охотниковъ; только это земледѣліе первобытное. Алтайцы и черневые татары преимущественно сѣютъ ячмень. Они обработываютъ земли *обыломъ*— родъ мотыги или лопатки, прикрѣпленной къ согнутой ручкѣ; этотъ обылъ, какъ видно, относится къ древнѣйшимъ земледѣльческимъ орудіямъ; въ той же черни или лѣсахъ встрѣчается еще болѣе простое орудіе, это *озыпъ*, которымъ выкапываютъ корни кандыка. Отъ *обыла* человѣкъ не разомъ переходитъ къ сохѣ, у алтайцевъ существуетъ первообразъ сохи, это *андазынъ*, сошникъ съ простымъ дышломъ, которое привязывается къ сѣдламъ двухъ верховыхъ лошадей; борону замѣняетъ у этихъ народовъ сучковатое дерево. Хлѣбъ, который засѣваютъ первобытные земледѣльцы, составляетъ ячмень. Самый первобытный способъ сбора хлѣба—рвать колосья руками, мы встрѣтили на Чуѣ; въ другихъ мѣстахъ, какъ на Аргутѣ, употребляется ножъ съ косой ручкой, наконецъ подобіе горбуши. Взамѣнъ овина хлѣбъ сушатъ на солнцѣ, развѣшивая пучками. Вмѣсто молотьбы сохранился еще способъ обжиганія соломы. Объ этомъ способѣ, существовавшемъ 2—3 столѣтія въ Ирландіи, упоминаетъ Тейлоръ, какъ о древнѣйшемъ способѣ онъ же былъ присущъ кельтамъ. Въ той же черни мы находимъ

первообразъ цѣпа, *токбокъ*, простая палка съ утолщеннымъ концомъ. Вмѣсто жернововъ мы встрѣчаемъ у Алтайцевъ растираніе ячменя на особой плитѣ, называемой *пасмакъ*. Сколько мы ни усиливались у южныхъ Алтайцевъ найти первообразъ жернова, мы не нашли его. Жернова представляютъ уже высшую степень культуры и находятся только у черневыхъ татаръ. Точно также имѣетъ весьма древнее происхожденіе ступа, *сохо*, встрѣчаемая у всѣхъ алтайцевъ; ступа эта представляетъ различныя усовершенствованія. При обработкѣ полей въ горныхъ мѣстностяхъ Алтая мы находимъ вдобавокъ орошеніе полей. Оно состоитъ въ томъ, что вода горнаго ручья или рѣчки отводится по канавамъ, проведеннымъ по наклонному полю; канавы эти заложены каменными шлюзами, которые по мѣрѣ надобности открываются. Эти *сугаки* или каналы проведены къ каждой пашнѣ, но если мало воды, пашни владѣльцевъ орошаются поочереди. Подобное же орошеніе существуетъ въ киргизской степи, особенно въ Семипалатинской области и въ Туркестанѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ мы находимъ начало удобренія и открываемъ тотъ путь, которымъ природа привела къ нему: проѣзжая по пустынной рѣчкѣ Эбели, впадающей въ Чую, мы наткнулись на оставленную зимовку, гдѣ на мѣстѣ шалаша разрослась цѣлая клумба хлѣбовъ изъ просыпанныхъ зеренъ во время обитанія людей. На рѣкѣ Купшенѣ, впадающей въ Еламонъ, калмыки при разспросахъ о томъ, какія поля они предпочитаютъ подъ пашни, передали намъ наблюденія, что хлѣбъ родится лучше на мѣстѣ отъ куда они переносятъ свое жилище. Въ Кузнецкой черни мы узнали, что черневые татары сѣятъ коноплю на мѣстахъ, гдѣ простояла долго скотина. Изъ различныхъ растеній начинается выдѣлка произведеній. Алтаецъ чаще употребляетъ шубы, но черневой татаринъ умѣетъ ткать. Выдѣлка ткани есть уже замѣчательный прогрессъ среди дикарей, она начинается съ крапивы и *кендыря* или дикаго конопля. Изъ крапивы кузнецкіе татары вяжутъ сѣти. Бѣлый зипунъ, дѣлаемый куманданцами, называется *кендырь*. Какъ земледѣліе, такъ скотоводство и охота дикаря имѣютъ извѣстныя степени развитія. У алтайцевъ есть способы заготовленія сѣна на зиму, причемъ они, собирая его, вьютъ веревками.

У черневыхъ татаръ заготовляются стога, къ которымъ припускается на зиму скотъ. Проѣзжая по Алтаю среди лѣта мы замѣчали вездѣ кипучую земледѣльческую работу и сѣнокошеніе, полуголые дикари трудились не менѣе нашего земледѣльца. Что касается звѣроловства, то и здѣсь дикарь проявилъ поступатель-

ное движеніе: старинная ловушка и лукъ замѣнены ружьемъ, которое занесено изъ Китая. Алтайское ружье фитильное, китайскаго образца. Для фитиля употребляется лыко растенія *тая*, которое смачпвается въ растворѣ пороха и горитъ какъ трутъ. Порохъ выдѣлываютъ алтайцы на Башкаусѣ и на Чуѣ сами, онъ весьма крупный. Пуля на большого звѣря употребляется желѣзная. Пуля эта легко выкатывается изъ ствола, если требуется ружье разрядить. Особенность этого ружья въ томъ, что казенника нѣтъ, оно прямо запаяно. Можно подумать, что при такомъ вооруженіи не достигается ни цѣльность, ни скорость стрѣльбы. На самомъ дѣлѣ не смотря на неуклюжесть алтайской турки—ружья, инородецъ привыкъ владѣть имъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, ловкостью и предусмотрительностью, которымъ нельзя не удивляться. Фитиль не просто прикладывается, но онъ находится на куркѣ, который также быстро спускается и огонь зажигаетъ порохъ на полкѣ. Для того, чтобы на охотѣ скорѣе зажечь фитиль ружья у охотника курится другой фитиль. Для насыпки пороха существуетъ особая натруска. Въ случаѣ промаха находятся въ запасѣ готовыя мѣрки заряда въ особыхъ патронахъ въ родѣ черкесскихъ, а пуля во рту. Порохъ въ одну минуту насыпается и пуля спускается. Обладая хладнокровіемъ, знаніемъ привычекъ звѣря, черневой татаринъ убиваетъ въ жизни значительное число медвѣдей. Мы видѣли охотниковъ, убивавшихъ по 150 и 200 медвѣдей. Нѣкоторые обитатели черни носятъ названіе «Медвѣжья смерть».

Какъ у алтайцевъ, такъ и у черневыхъ развито кузнечное мастерство до выдѣлки стали. Когда-то кузнецкіе татары славились производствомъ желѣзныхъ вещей, тагановъ, посуды, и платили до пришествія русскихъ этими произведеніями дань въ Китай. На Чулышманѣ и Башкаусѣ до сихъ поръ добываютъ руду, плавятъ чугунъ, а затѣмъ выдѣлываютъ желѣзо. Первобытный способъ этой выдѣлки мы записали, онъ состоитъ въ выплавкѣ чугуна изъ толченой руды, пересыпанной слоями угля, и положенными въ глиняный сосудъ, внизу котораго находится отверстіе. Выплавку руды инородцы скрываютъ, но около рѣки Урсула намъ говорили, что есть остатки стараго инородческаго завода. Мы видѣли въ лѣсахъ первобытную кузницу и срисовали всѣ ея инструменты. Мѣстные кузнецы дѣлаютъ огнива и ножи. Замѣчательно, что мѣдныя принадлежности пріобрѣтаются черневыми татарами изъ Китая, Монголіи и отъ русскихъ. Такимъ образомъ на алтайскомъ огнивѣ

соединяется иногда три культуры: русская бляха, китайская пряжка (бель) и сталь собственной выдѣлки. У сайенцевъ или урянхайцевъ, какъ разсказывали, кузнечное дѣло стоитъ еще выше. Раскопки въ курганахъ и добываемыя изъ нихъ вещи: котлы, стрѣлы и даже кольчуги, доказываютъ, что употребленіе металла въ Алтаѣ было весьма давно извѣстно. Какъ культура настоящихъ инородцевъ, такъ и нѣкоторыя археологическія изысканія показываютъ, что жизнь инородцевъ до пришествія русскихъ не была неподвижна, напротивъ нѣкоторые остатки и памятники указываютъ на существованіе гораздо высшей культуры у древнихъ народовъ, чѣмъ нынѣшняя у дикарей. По этому поводу нельзя не припомнить замѣчательныхъ словъ профессора археологіи Свенъ-Нильсона: «Нельзя понять древностей какой-либо страны, если мы въ тоже время не уяснимъ себѣ вполнѣ той идеи, что эти древности составляютъ лишь отрывки прогрессивнаго ряда цивилизацій и что человѣческій родъ и прежде и теперь неуклонно движется впередъ».

Мы позволимъ себѣ указать на нѣкоторыя археологическія изысканія въ Сибири въ связи съ положеніемъ настоящей культуры инородцевъ.

На всемъ протяженіи Сибири, отъ Курганскаго округа до нѣдръ Алтая и китайскихъ границъ, мы находимъ множество кургановъ различнаго типа и инородческихъ кладбищъ, свидѣтельствующихъ о значительномъ населеніи, проживавшемъ въ Сибири въ до-историческое время. Кладбища эти находятся въ мѣстахъ нынѣ почти необитаемыхъ, напримѣръ по рѣкамъ Чулышману, Улагану, Кара-кему, Аргуту, Ясатеру, въ вершинахъ Берели, Катуни и т. д. Огромныя насыпи и курганы въ Алтаѣ переходятъ въ могилы, усыпанныя камнемъ въ сажень и болѣе вышины, сажень въ 5 и 10 въ діаметрѣ. Около нихъ часто находятся плиты и каменныя бабы *кожоташъ*. Кромѣ того встрѣчаются развалины городковъ и крѣпостей. Среди этихъ остатковъ татарскихъ городковъ (на Барабѣ около озера Чаны мы нашли такихъ два), встрѣчаются слѣды построекъ, окалина и слѣдъ глинобитныхъ печей. На могилахъ мы находили остатки глиняной посуды, наконецъ близь нихъ находятся ручные жернова. Ископаемые жернова эти можно видѣть въ барнаульскомъ музеѣ; ихъ находятъ на Барабѣ, въ Кулундинской степи и въ Барнаульскомъ округѣ. Несмотря на то мы видимъ въ Алтаѣ у многихъ дикарей еще плиты для растиранія зеренъ и только черневые татары имѣютъ жернова. Поэтому на Чулышманѣ, гдѣ живутъ телесы, не имѣющіе понятія о жерновахъ, было совершен-

ной неожиданностью открытіе близъ старыхъ могилъ огромныхъ жернововъ изъ гранита въ 78 сантиметровъ или до 5-ти четвертей въ діаметрѣ. Эти жернова имѣли даже слѣды желѣзныхъ жабокъ. Близъ этихъ же мѣстъ по Чулышману, а затѣмъ по Чуѣ и Катуни, находятся остатки прежнихъ каналовъ для орошенія полей. Такимъ образомъ все это указываетъ на существовавшую здѣсь весьма давно земледѣльческую культуру.

У древнихъ жителей Алтая, судя по археологическимъ остаткамъ, была замѣчательно развита обдѣлка камня, свидѣтельствомъ чему служатъ каменныя бабы — кожоташи съ рисунками и барельефами. Когда-то камень въ этихъ мѣстахъ игралъ весьма видную роль.

Чѣмъ ближе къ горамъ Алтая, тѣмъ болѣе древнія могилы превращаются въ огромныя груды камня, нѣкоторыя обложены плитами, около могилъ стоятъ бабы, иногда они носятъ только подобіе человѣческихъ фигуръ, рядомъ длинные ряды вбитыхъ подобно кольямъ камней, идущіе на востокъ. Каменныя бабы разсѣяны по всему югу Сибири, но мы нашли слѣдъ бабы также на Барабѣ—въ мѣстности, гдѣ на нѣсколько сотъ верстъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ камня. Каменныя могилы въ Алтаѣ, какъ видно, требовали огромной массы рукъ, нѣкоторые камни могли только подвозиться. Нынышніе инородцы уже не въ состояніи дѣлать подобныхъ насыпей, а хоронятъ покойниковъ или въ старыхъ могилахъ или кладутъ снаружи.

Могилы, какъ оказывалось при раскопкѣ, забутованы камнемъ сажени на полторы. Прежніе жители умѣли не только обдѣлывать, но и просверливать огромные куски скалъ, какъ показываютъ работы близъ перевоза Коръ-кечу на Чуѣ. Крѣпости или шибе на Алтаѣ также укрѣплялись камнемъ, но при этомъ видъ ихъ имѣлъ оригинальную форму и ихъ стратегическій планъ сообразуется съ мѣстными условіями. Такіе шибе мы видѣли на Катуни и на Телецкомъ озерѣ близъ мыса Арталъ. Отвѣсный берегъ съ тропинкою по серединѣ, соединявшей два урочища, былъ поперегъ огражденъ грудами камня подобно брустверу или валу, тропинка завалена огромнымъ камнемъ, одинъ конецъ ограды упирался въ отвѣсную скалу, стоящую надъ водой, другой шелъ выше до отвѣсной скалы къ вершинѣ горы. Войско, ложась за брустверъ, защищало склонъ и стрѣляло при приближеніи непріятеля. Въ это же время на вершинѣ горы устраивалась засада и утверждались на подпоркахъ камни; камни эти обрушивались на непріятеля. Такъ

были отбиты и загнаны въ озеро сайены или урянхи, нападавшіе на телесовъ.

Камень и доселѣ играетъ видную роль въ хозяйствѣ Алтая. Поскотина огораживается камнемъ, мостики для скота покрываются камнемъ. Мы нашли подлѣ старинныхъ бабъ игрушки дѣтей, состоящія изъ маленькихъ разрисованныхъ плитъ, которыми алтайскія дѣти замѣняли куклы. Алтайцы на своихъ *обо* употребляютъ камень даже какъ жертву.

Разсматривая костюмы и моды различныхъ алтайскихъ племенъ мы видимъ, что они представляютъ извѣстное разнообразіе. Древнѣйшій костюмъ черневыхъ татаръ мы нашли у кумандинцевъ: онъ тотъ же самый, какъ описывается г. Гельмерсеномъ. У мужчинъ бѣлые азямы изъ льна, и лѣтомъ такія же шапки, колпаки, обшитые крашеной шерстью, зимою шубы изъ сѣраго войлока, у женщинъ рубахи съ вышитымъ воротомъ и шерстяные шушуны, крашеные мареной, также крашеные чулки. На воротѣ, шеѣ и косахъ находятся обильныя украшенія бисеромъ и яланъ-башемъ, раковиной Каури (Cyprea moneta); наконецъ воротники обшиты перламутромъ съ пуговками, называемыми жемчугомъ.

Это дало поводъ г. Гельмерсену заключить, что одежда женщинъ по Біи походитъ на мордовскую и черемисскую. Въ интересахъ сравненія мы сняли подробности этого костюма. Костюмъ кузнецкихъ черневыхъ жителей ближе къ кумандинцамъ, но онъ уже измѣняется подъ вліяніемъ русской моды. За то бійскіе черневые татары заимствуютъ моду у алтайцевъ, это высокая шапка перюкъ и женскій чегедекъ — весьма красивый женскій костюмъ, обшитый галуномъ и парчею съ огромными китайскими красными пуговицами. Коса, принадлежность алтайца, проникла и къ бійскимъ черневымъ татарамъ, но ея уже нѣтъ въ Кузнецкомъ округѣ, гдѣ инородцы подстригаютъ волосы въ скобку. Вообще съ юга проникало къ алтайцамъ и черневымъ китайское вліяніе, съ сѣвера, напротивъ, русское.

До сихъ поръ, около Телецкаго озера видны китайскія и монгольскія шапки; трубка и ружье занесены китайцами; у этихъ инородцевъ встрѣчаются также китайскія ткани. Сѣверныхъ инородцевъ мы видимъ, большею частью, совершенно обрусѣвшими, какъ напримѣръ татаръ, ближайшихъ къ Кузнецку.

Мы можемъ отмѣтить весьма важный этнографическій фактъ изъ жизни инородцевъ, что черневые татары, быта которыхъ мы коснулись, подготовленные своею переходною культурою, представ-

ляютъ болѣе наклонности къ воспріятію русской осѣдлости и изъ нихъ большое число перешло въ православіе.

Сравнивая населеніе кузнецкаго и бійскаго округовъ, мы видимъ, что въ первомъ изъ 15.000 человѣкъ 7.300 осѣдлыхъ инородцевъ. Въ Бійскомъ-же изъ 27.400 едва 4.600 человѣкъ.

Православныхъ въ Кузнецкомъ округѣ 13.800 человѣкъ, въ Бійскомъ больше 5.000 человѣкъ.

Замѣчательно при этомъ то, что въ бійскомъ округѣ сосредоточена дѣятельность миссіи, а въ Кузнецкомъ округѣ ея не было. Произошло же это явленіе какъ отъ бытоваго строенія, такъ и отъ вліянія русской колонизаціи, которая въ Кузнецкомъ округѣ была свободна, а въ бійскомъ стѣснена.

Мнѣ остается коснуться религіи и міросозерцанія черневыхъ татаръ и алтайцевъ, у которыхъ много общаго какъ въ дѣлѣ культуры, такъ и въ области религіознаго міросозерцанія; эта народность сохранила связь съ древнѣйшими религіями Азіи, унаслѣдовала ихъ языческіе мифы, наконецъ пережила нѣсколько стадій въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, по этому представляетъ богатый матеріалъ для миѳологіи. Среди Алтайскихъ народностей сохраняются слѣды чистаго пантеизма и политеизма, у нихъ есть обогоtворенная природа, безтѣлесные духи и боги-герои. Кромѣ Ульгеня и Эрлика, представителей добра и зла, признававшихся доселѣ, у Алтайцевъ есть еще нѣсколько понятій о божествахъ; *Кудай* есть высшее божество. Понятіе объ Ульгенѣ сливается съ понятіемъ о небѣ, *тенегре*, которымъ его величаютъ, и съ свѣтомъ, *ярыкъ*. У Ульгеня есть мать Тазыханъ, три сына и двѣнадцать дочерей; первый сынъ Ямгыръ-ахту, Яжиганъ громовержецъ и повелитель дождя, второй Солтыганъ и третій Тимуръ-ханъ — богъ войны. Ульгень пребываетъ на 12-мъ, 11-мъ и 7-мъ небѣ. Шаманами поминается кромѣ того Яче, творецъ земли и міра и Яикъ-ханъ, онъ же Чаикъ-ханъ, которому приписывается потопъ на землѣ. Злые духи имѣютъ нѣсколько разрядовъ: эрликъ, козыръ-ханъ, сатана, куремесъ, аза, айна, хемкеръ. Историческіе богатыри и ханы связаны съ культомъ поклоненія. Замѣчательно, что въ этихъ преданіяхъ сохраняется имя Тимура, которому присвоена роль Марса. Этотъ Тимуръ, сынъ Ульгеня, былъ воитель; по преданіямъ алтайцевъ ему прострѣлили глотку и онъ сталъ заикой. Стихи, читаемые ему камами или шаманами слѣдующіе:

Какъ широкое желѣзо—имѣешь ты плечи,
Какъ выпуклую сталь имѣешь ты грудь,

Щеки твои какъ полосовое желѣзо,
Сердце твое какъ черный чудесный камень,
Ты не можешь выговорить слова, какъ заика,
Стрѣлять надо, но ты лѣвшакъ.
Бѣлаго Ульгеня ты юноша,
Желѣзнаго хана ты сынъ.

Такимъ образомъ здѣсь таится связь божественной миѳологіи и героическаго эпоса. Природа вполнѣ обоготворяема алтайцами. У каждой долины, горы, рѣки есть свой духъ Ээзи. Они поклоняются ему на высочайшихъ горахъ, какъ на Алтынъ-тау. Снѣжные хребты носятъ названіе во многихъ мѣстахъ Яикъ-ту—священной горы. Горы призываются въ молитвахъ, какъ Абыганъ (вершина Абакана), отецъ горъ, ‹о шести горбахъ отецъ Абыганъ›. Учь-сюри—бѣлуха вызываетъ особое благоговѣніе, поклоненія и жертвы. Наконецъ это обожаніе олицетворяетъ весь Алтай, какъ мѣсто промысла. Въ молитвѣ Алтай носитъ названіе ‹Алтай хангай›, къ нему существуетъ особое обращеніе.

Алтай-Хангай! лѣсъ и камень,
Бѣгущія рѣки молитвою нашей обереги,
Безъ страха провести день дай,
Въ горахъ намъ перевалъ дай,
Дѣтямъ милость дай,
Жизни милость дай
Пищей не оставь насъ
Отъ бога Алтая государя
Молитвы просимъ.
Всегда государя бога молимъ: —
Людей въ обиду не дай
Птицъ и собакъ сбереги,
Благополучіе намъ ниспошли.

Далѣе у алтайцевъ надъ каждою пещерою, скалою, озеромъ и водопадомъ господствуетъ свой духъ Ээлю. Такой духъ, отождествляемый съ водянымъ, живетъ въ Кенгинскомъ, Кочурлинскомъ озерѣ и другихъ. Одинъ священный водопадъ на Усть-башкаусѣ носитъ названіе «Кулерге» жертва. На горячихъ рахмановскихъ ключахъ, по калмыцки — аржанъ, мы видѣли слѣды принесенія жертвъ. Кромѣ того въ Алтаѣ есть священныя деревья «Камъ-агачъ», это мѣстопребыванія лѣснаго духа. Дерево это обыкновенно лиственница, имѣющая въ серединѣ или на верху густую непроницаемую шапку зелени. За рѣкою Сугашемъ находится ключь камдыдъ, сплошь покрытый этими деревьями.

КРАСНОЯРСК
БИБЛИОТЕКА
№ 19233

Точно также Алтайскіе народы поклоняются стихіямъ — огню и водѣ. Это поклоненіе существуетъ въ различныхъ обрядахъ. Вотъ оно какимъ образомъ выражается въ записанномъ нами гимнѣ огню:

«Зубы: оскалившее пламя, о тридцати головахъ, матушка — огонь твои уши зубчаты и муравлены, о сорока головахъ дѣвица ты мать, въ хвостѣ твоемъ блещетъ перламутръ, дѣвицы смотрятъ и завидуютъ тебѣ, въ твоихъ ушахъ есть колодецъ, и лебедь пьетъ изъ него, зола изъ толкана тебѣ постеля, бѣлая пыль тебѣ подушка. тагопъ тебѣ служитъ слояской, семь разъ оброненный огонь гнѣздо, вмѣсто матери ты кормишь, подъ землею твой плодъ, небо тебя родило, огонь — матушка, сырое ты варишь, мерзлое растопляешь.»

Что касается воды, то ей присвоиваютъ титулы водянаго, хозяина—царя, зовутъ вода—матушка переходница. Когда стоятъ на берегу, то снимая шапку говорятъ: «отъ бѣлой рыбы твой вкусъ подобенъ мылу. Быстрой твоей водѣ да будетъ покорна моя голова.»

Такимъ образомъ алтаецъ питаетъ глубокое благоговѣніе къ окружающимъ его стихіямъ. Вѣрованіе въ существованіе душъ за гробомъ и въ тѣла мертвецовъ также имѣетъ мѣсто въ Алтаѣ и у черневыхъ жителей; вѣрованія эти сохраняютъ древнѣйшій культъ. Алтайцы боятся покойника и смерти, послѣ покойника они сейчасъ переносятъ жилище; отъ тѣни покойника нѣсколько дней они ограждаютъ себя, запираются и ставятъ къ дверямъ желѣзныя вещи и ножи. Покойникъ тогда отождествляется съ злымъ духомъ. Вслѣдъ за этимъ воззрѣніемъ существуетъ понятіе о вселеніи загробныхъ душъ въ живыхъ людей и причиненіе имъ болѣзней. Покойникъ, по алтайскимъ воззрѣніямъ, также можетъ вселиться въ человѣка и причинить ему болѣзнь. Болѣзнь эта называется *изютъ*, и имѣетъ связь съ остаткомъ обычая: желать здравія при чиханіи, существующемъ у всѣхъ народовъ. Происхожденіе этого обычая въ связи съ вѣрованіемъ въ загробную жизнь приведено у Тэйлора.

У черневыхъ татаръ, сохраняющихъ вѣрованіе въ изюта, существуетъ восклицаніе при чиханіи «Ташь-капъ», хватай камень, «подавись камнемъ!»—обращеніе къ злому духу. Алтайцы говорятъ: «*Собака* тебя нагадь!» а саянцы и монголы:—Бурханыръ ерше!—Богъ тебя сохрани!

Съ вѣрованіями въ жизнь покойника за гробомъ связаны и обряды погребенія покойниковъ, снабженіе ихъ вещами, убиваніе животныхъ на могилахъ и пиры въ честь покойниковъ. Обрядъ

погребенія умершихъ перешелъ нѣсколько степеней. У кумандинцевъ мы нашли погребеніе покойниковъ въ землѣ, говорятъ, что имъ запрещено было оставлять ихъ на деревьяхъ. У телесовъ покойниковъ кладутъ между камней. Недавно былъ еще обычай класть ихъ на деревья, но онъ исчезаетъ. Какъ намъ передавали очевидцы, у алтайцевъ еще недавно исчезло сожиганіе труповъ, и мы видѣли даже свидѣтелей совершенія этого обряда.

Въ жертву богамъ, горамъ, стихіямъ и домашнимъ фетишамъ алтайцы приносятъ предметы пищи и питья выплескиваютъ вино и толканъ, но никогда воду; передъ охотой изъ муки дѣлаютъ фигуры дикихъ барановъ *кочкоръ*, которые оставляютъ на жертвенникахъ. Символомъ жертвы бываютъ, также, камни, сухія деревья и ялама, родъ лентъ, развѣвающихся на деревьяхъ. Во время торжественнаго обряда шаманами приносится кровная жертва—бараны, коровы или лошади. Иногда лошадь заранѣе обречена на жертву и тогда она носитъ названіе яикъ. Признакъ ея обреченія—лента. Въ Алтаѣ можно встрѣтить множество шкуръ лошадей, развѣшанныхъ на шестахъ, это остатки жертвоприношеній. Форма жертвы, какъ и въ исторіи всего человѣчества, здѣсь видоизмѣняется и принимаетъ различные образы. Въ старинныхъ легендахъ алтайскихъ мы находимъ еще память о человѣческихъ жертвахъ. Жертвы эти приписываются или монголамъ (ойротамъ), или киргизамъ. Когда во время нашествія Аблая киргизы подошли близъ деревни Чергачака къ Катуни, они не могли перейти ее и принесли рѣкѣ плѣнную дѣвицу. Тогда Катунь разступилась подобно Чермному морю или Іордану при переходѣ израильтянъ. Близъ Улалы разсказываютъ, что монголы при нашествіи принесли жертву горѣ Чаптагану плѣнницу. Въ повѣсти о томъ, какъ сражались телеуты съ Русскими приводится разсказъ, что телеуты вслѣдъ за отступленіемъ Русскихъ, чтобы Томь дала имъ переправу, принесли ей въ жертву захваченныхъ двухъ русскихъ дѣвицъ.

Въ Алтайской религіи занимаетъ извѣстное мѣсто фетишизмъ, какъ естественное продолженіе вѣрованія въ загробную жизнь. Идолы не многосложны, они состоятъ изъ изображеній куремеса, видѣннаго нами у кумандинцевъ, весьма простого деревяннаго идола, маленькаго домашняго бубна и шкурокъ звѣрей, преимущественно зайца (чаикъ). Бубенъ даетъ гораздо большее поле алтайской символистикѣ. Этотъ бубенъ тюнгуръ—бываетъ испещренъ рисунками. Онъ изображаетъ все міросозерцаніе алтайца. Здѣсь есть солнце, луна, радуга, звѣзды, почитаемыя наиболѣе животныя — лягушка, змѣя,

ящерица, рыба, маралъ и изображеніе жертвоприношенія. Кромѣ того здѣсь-же изображаются орудія промысловъ и охота. Въ черни на бубнѣ есть сѣть и рыба. Бубенъ этотъ играетъ видную роль во время камланья или шаманства. Онъ звучитъ возбуждающимъ образомъ, электризуетъ и экзальтируетъ шамана. Мы видѣли нѣсколько разъ этотъ обрядъ. Въ кумандинскомъ селеніи мы встрѣтили молодаго кама въ избѣ передъ больной женщиной, простертой на лавкѣ. Въ первый разъ мы услышали этотъ дикій глухой чревовѣщательскій звукъ. Грязная изба, изнеможенная женщина, ползающій около нея ребенокъ и бѣшенное неистовство кама, производило особое впечатлѣніе. Немного спустя мы увидѣли этого-же шамана около другого больнаго въ другой обстановкѣ. На берегу Біи, при яркомъ пламени костра, около хижинъ сидѣли кумандинскія старухи въ красныхъ шушунахъ съ трубками въ зубахъ, какъ неподвижныя статуи. Подъ навѣсомъ лежалъ чахоточный больной молодой человѣкъ. Шаманъ стоялъ около него; сначала раскачиваясь, онъ напѣвалъ монотонно и медленно, затѣмъ перемѣнялъ голоса, какъ-бы бесѣдуя съ духомъ, наконецъ онъ началъ заклинанія, которыя повторялись все громче, энергичнѣе, дикіе крики иногда вырывались изъ груди, онъ выбѣгалъ, кружился. Больной тогда приподнимался и жадно смотрѣлъ лихорадочно горящими глазами надежды. Вдали слышались раскаты грома, и темное небо прорѣзывалось временами молніями. Вѣра и суевѣріе, надежда и обманъ, страхъ смерти, борьба потухающей жизни и внезапное вмѣшательство стихіи совмѣщались въ этой картинѣ изъ быта дикарей.

Обрядъ шаманства бываетъ полонъ торжественности и длится цѣлую ночь. Тогда ярко освѣщаются аилы. Обреченныя животныя привязываются около юртъ. Передъ выступающими горами, при лунномъ свѣтѣ, въ фантастическомъ костюмѣ съ развѣвающимися перьями шаманъ выбѣгаетъ изъ юрты, бьетъ въ бубенъ, кружится и въ дикой экзальтаціи дѣлаетъ предсказаніе. Это впечатлѣніе, среди глухой ночи, бываетъ до такой степени потрясающее для простого ума, вѣрящаго въ сношеніе съ дьяволомъ, что наводитъ страхъ на присутствующихъ русскихъ крестьянъ, какъ они намъ свидѣтельствовали. Въ Алтаѣ разсказываютъ про шамановъ, которые во время шаманства глотали ножи, становились на огонь. Во время обряда шаманъ бросаетъ орбы, лопатку, которой бьетъ въ бубенъ, присутствующіе хватаютъ ее и по паденію въ верхъ или внизъ наружной стороной заключаютъ о счастіи.

Есть камы обманщики, но есть и вѣрящіе въ свое призваніе. Обреченіе въ шаманы дѣлается съ малолѣтства; должность эта въ большинствѣ наслѣдственная, иногда въ ребенкѣ замѣчаются родителями припадки, по которымъ судятъ, что въ него вселится духъ. Что-бы испытать, ему задаютъ вопросы и онъ дѣлаетъ предсказанія. Наконецъ обреченный заявляетъ, что онъ видѣлъ, что у него демоны нашли ломанную кость и это служитъ вѣрнымъ признакомъ его избранія. Многіе камы одержимы болѣзненными нервными припадками.

На берегу бушующаго Аргута намъ указывали скалу, гдѣ въ религіозной экзальтаціи шаманъ, разорвавъ на себѣ одежды, бросился въ пропасть.

Среди алтайскихъ народностей происходитъ воздѣйствіе и другихъ религіозныхъ вліяній, смѣняющихъ старое міросозерцаніе.

На почвѣ Сибири вообще сталкивается въ борьбѣ три могучихъ религіозныхъ міросозерцанія, старающихся отвоевать себѣ прозелитовъ среди сибирскихъ инородцевъ, это буддизмъ, магометанство и христіанство. На алтайскія народности всѣ три религіи имѣли свое вліяніе. Буддизмъ вторгался съ юга, дѣйствуя на чуйскихъ теленгетовъ, но не успѣлъ пустить корней. За то на сѣверѣ въ магометанство обратилось значительная часть тюрковъ—въ томской губерніи ихъ 9.500 душъ и въ тобольской 37.800. Магометанство, проникшее съ прошлаго столѣтія, довольно окрѣпло здѣсь. Православныхъ инородцевъ въ Томской губерніи 26.726 чел. на 63,000 всѣхъ инородцевъ и въ Тобольской 27.949 на 4.200 душъ; язычниковъ 26.000 въ Томской губ., и 8.300 въ Тобольской.

Духовная жизнь народа, выражающаяся въ религіи, отражается и въ его поэзіи. Фантазія алтайца изукрасила окружающую природу образами и антропоморфизировала ее. Окружающій міръ неорганической природы живетъ и дышетъ вокругъ алтайца. Горы одушевлены, они когда-то вели войну между собою, а одна гора отстрѣлила часть тѣла у другой, отъ чего лежитъ отдѣльно сопка. Большинство горъ имѣетъ свою легенду. Указывая на Алтынъ-тау алтаецъ говоритъ: это отецъ, вторую сопку онъ называетъ Абыганъ, далѣе сынъ—Уулу и третью Коледы—сноха. Названія Бія и Катунь въ переводѣ означаютъ господинъ и госпожа. Направленіе теченія Біи и Катуни объясняется тѣмъ, что женщина и мужчина хотѣли посоперничать кто кого перебѣжитъ; Катунь пробовала перебѣжать Бію, тогда оскорбленный мужчина Бій пересѣкъ ей дорогу. Жизнь героевъ и богатырей алтайскихъ богата приклю-

ченіями и повсюду находятся памятники ихъ дѣлъ. Здѣсь накиданы камни богатыремъ; Ташъ—богатырь хотѣлъ отвести Телецкое озеро на востокъ къ Абакану, но гора Менеръ приняла участіе и загородила ему дорогу. Отъ этого образовалась только бухта озера. Горы иногда не пускаютъ непріятеля, какъ Чантачанъ не пустилъ киргизъ, за что прозванъ «неумолимый». Есть костяная гора, гдѣ погребены непріятельскія кости, и зубцы бѣлковъ въ вершинѣ Томи носятъ названіе «небесныхъ зубцовъ».

Свѣтила, какъ солнце и луна, являются олицетворенными, мѣсяцъ ай-ада—мужъ, солнце кунь—жена. Метеоры происходятъ отъ того, что гора пересылаетъ другой огонь. Во время затмѣнія еретики загораживаютъ луну или солнце, ущербъ мѣсяца и тѣни на немъ связаны съ разсказомъ о богатырѣ Эльбегенѣ. Это былъ богатырь людоѣдъ, онъ ѣлъ людей и причинялъ бѣдствія. Богъ пожалѣлъ людей, онъ послалъ солнце взять Эльбегеня; приблизясь оно чуть не растопило землю. Тогда былъ посланъ мѣсяцъ, который схватилъ Эльбегеня, но Эльбегень ухватился за талину и вырвалъ ее. Тѣнь его видна на мѣсяцѣ съ этой талиной. Мѣсто, гдѣ поднялся Эльбегень, показываютъ около камня Елбакташа на Біи. Увлеченный людоѣдъ жаловался, что онъ будетъ ѣсть на лунѣ? Тогда мѣсяцъ положилъ его кормить 15 дней собственнымъ тѣломъ, остальные 15 дней долженъ кормить его Эльбегень, этимъ объясняется ущербъ и прибыль луны. Антропоморфизмъ переходитъ на деревья, которыя за грѣхи разитъ молнія, на животныхъ, при разсказахъ, что медвѣдь былъ человѣкъ; даже исторія маленькаго бурундука связана съ небесными похожденіями. Этотъ звѣрекъ по разсказамъ, былъ большой грѣшникъ, онъ обрѣзалъ у боговой коровы хвостъ, за что былъ сильно наказанъ привратникомъ и носитъ на спинѣ слѣды этого наказанія. Такимъ образомъ вся природа одушевлена; Алтай можно сравнить съ древней граціей, гдѣ подобныя-же чудныя горы, воды и рѣки имѣли свою жизнь, миѳологическія божества наполняли эту природу, она имѣла языкъ и ввѣряла свои тайны дѣтскому сердцу дикарей. Пѣсня алтайца полна первобытнаго чувства и фантазіи. У черневыхъ сохраняется живой даръ импровизаціи, который мы имѣли случай провѣрить. У алтайскихъ племенъ существуетъ пѣсня, сказка и героическая поэма. Изъ музыкальныхъ инструментовъ они употребляютъ *топшуръ*, родъ балалайки и *шкеле* со смычкомъ.

У кумандинцевъ струнный инструментъ носитъ названіе *кобысъ*. Здѣсь-же находится маленькій металлическій инструментъ

весьма оригинальнаго свойства, вставляемый въ ротъ и производящій звукъ посредствомъ припаяннаго язычка,— *кобысъ-тюнгуръ*.

У алтайцевъ (ойротовъ) мы не нашли пляски, но у черневыхъ татаръ она существуетъ, точно также, какъ намъ передавали, она есть у сайенцевъ.

Разсматривая экономическій бытъ Алтайскаго населенія и его современное положеніе, мы встрѣчаемъ сумму благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій. Обширныя скотоводческія пространства, дѣвственная природа, обиліе естественныхъ продуктовъ, повидимому, представляютъ ему много простора и довольства. Инородецъ, какъ стоящій по условіямъ быта ниже крестьянина, платитъ менѣе подати: всего до 2-хъ рублей съ ревизской души, ему представлено вносить ясакъ пушниной, онъ не обременяется повинностями, но тѣмъ не менѣе, льготы, данныя законодательствомъ, парализуются другими причинами. Бытъ этого населенія крайне бѣденъ. Въ большинствѣ его жилища преставляютъ жалкіе шалаши и только по Урсулу и Кану, внутри Алтая, гдѣ сосредоточивается преимущественно пастушеское населеніе, находимъ нѣкоторые признаки пастушескаго богатства и обиліе стадъ. Нѣсколько лучше бытъ осѣдлыхъ инородцевъ Кузнецкаго округа, но причины обогащенія ихъ лежали въ торговлѣ съ кочевыми волостями. Когда-то Алтай, между тѣмъ, славился стадами. На Чуѣ и на Чулышманѣ, были табуны, которые владѣльцы считали, загоняя скотъ въ долины и ущелья, на глазомѣръ, небудучи въ состояніи пересчитать его поголовно. Нынѣ Чуя бѣдна скотомъ, какъ и Чулышманъ. Отъ Уймана до устья Чуи мы не видѣли совсѣмъ калмыцкаго скота, стада перешли къ крестьянамъ и торговцамъ. На обѣдненіе Алтая скотомъ указывали всѣ бывшіе здѣсь изслѣдователи В. В. Радловъ, Вербицкій, кн. Костровъ, Потанинъ и др.

Дѣйствительно мы видимъ, что кочевой районъ все болѣе сокращается. Для этого достаточно взглянуть на карту горнаго Алтайскаго округа. Русское населеніе съ издавна заселяетъ Алтай. Многія волости существуютъ на сѣверѣ и западѣ. По Бухтармѣ также тянутся поселки. Тысячи русскихъ крестьянъ-переселенцевъ идутъ въ Алтай отыскивать привольныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ Алтай оцѣпляется кольцомъ и кочевья должны ограничивать свои предѣлы. Въ двухъ мѣстахъ обширныя и лучшія земли инородцевъ перешли во владѣніе Алтайской миссіи и ея монастырей. Такъ близъ Улалы взято пространство въ 6.500 десятинъ подъ женскую общину а на Чулышманѣ до 30 верстъ въ длину подъ будущій

монастырь. Съ другой стороны столкновеніе съ русскимъ элементомъ не могло не отразиться на экономической жизни, создавъ здѣсь обмѣнъ продуктами. Обмѣнъ этотъ, однако, совершался и совершается при неблагопріятныхъ условіяхъ для инородцевъ. Инородецъ сбываетъ орѣхъ, звѣря, скотъ, получая взамѣнъ товаръ, привозимый купцами. Товаръ дается инородцу обыкновенно въ долгъ, причемъ инородецъ долженъ поставить орѣхъ или звѣря по извѣстной цѣнѣ. При снабженіи въ долгъ товаромъ купецъ покупаетъ орѣхъ по 50—60 коп. за пудовку, при чемъ принимается въ расчетъ пудовка торговца: рыночная же цѣна орѣха бываетъ 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 50 коп., въ неурожай до 2 руб. 40 коп. Бѣлка покупается за 3 коп., а цѣна ея 15 и 20 коп. За то всѣ товары идутъ въ высшей цѣнѣ. Драдедамъ въ 60 и 70 коп. продается по 3 руб. аршинъ, кумачъ въ 18 коп.—35 и 40, бязь, продающаяся въ Ирбити 9 коп.,—по 30 и 35 коп., шесть пуговочекъ перламутровыхъ дается за одну бѣлку въ 20 коп., за одну бѣлку дается три и четыре джиланъ — баша раковинки стоящей 1/2 копѣйки. Простой табакъ, поднимается отъ 15 до 50 коп. за фунтъ. Мы не говоримъ о порохѣ и винѣ. Порохъ до 3-хъ руб. фунтъ. Вино, разбавленное, доходитъ до неимовѣрной цѣны. При такихъ условіяхъ инородецъ не всегда въ состояніи выплатить долга, тогда долгъ переводится по рыночной цѣнѣ, которая стояла въ Ирбити, причемъ за недоставленный пудъ орѣховъ онъ долженъ уплатить 1 руб. 20 коп., вмѣсто 50—80 коп., за бѣлку въ 3 коп. 17 коп., т. е. за сотню 17 руб. и потомъ эта ирбитская цѣна переводится на скотъ, смотря по суммѣ. Если калмыкъ долженъ три рубля, онъ платитъ 6 руб. и обязанъ отдать быка по 3-му году, не уплатитъ по 3-му году, требуется, черезъ годъ, быкъ по 4-му году, на третій годъ купецъ требуетъ уже 5-ти лѣтняго быка, стоющаго 15 и 20 руб. Когда приходится перелагать денежные счеты на скотъ, торговцу выгоднѣе навязать долгъ на инородца и оставить скотъ для пастбища, но тогда скотъ считается купеческимъ, должникъ пасетъ и кормитъ скотъ, приплодъ также идетъ въ пользу владѣльца. Отъ того сформировалась въ Алтаѣ пословица: «отдай торбака—получишь быка», а купеческія заимки наполнились скотомъ. Торговецъ самъ назначаетъ цѣну за скотъ должнику. Взысканіе долга беретъ также самъ на себя кредиторъ, онъ разъѣзжаетъ по инородческимъ улусамъ съ прикащиками и, если считаетъ своевременнымъ получить долгъ, не прибѣгаетъ къ иску а прямо отнимаетъ скотъ. Прежде это взысканіе производилось отгономъ цѣлыхъ табуновъ. Мало того, русскіе лю-

ди прибѣгали къ обману, запутывали инородца, затѣвали здѣсь дѣла и угрожали судомъ. Образецъ этихъ обмановъ приводится въ одномъ разсказѣ, записаннымъ нами, какъ предметъ этнографіи.

Русскій, зашедшій въ лѣса къ инородцамъ, занесъ мѣдную удочку и началъ удить рыбу. Инородецъ попросилъ позволенія попробовать это занятіе. Русскій согласился. Къ несчастію, удочка зацѣпилась въ водѣ за сукъ и оборвалась. Тогда русскій выразилъ полное отчаяніе. Онъ сообщилъ, что эта удочка дана ему священникомъ и дороже для него всего на свѣтѣ. Онъ выразилъ непритворное горе, не пьетъ, не ѣстъ и лежитъ на берегу. Инородецъ испуганный, принесъ ему бѣлку, но русскій не утѣшился. Тогда онъ принесъ ему лисицу, но и это не окупало удочки, наконецъ онъ принесъ ему соболя. Русскій отеръ слезы и отправился домой, горько жалуясь на свое несчастіе. Не смотря на уплату, инородецъ все еще остался въ долгу и долго еще русскій человѣкъ ѣздилъ въ чернь собирать долги за эту драгоцѣнную удочку Исторія этой удочки рисуетъ исторію отношеній къ инородцу. Не одинъ торговецъ, но всякій русскій человѣкъ имѣлъ огромный соблазнъ сталкиваясь съ дикаремъ. Проѣхавъ телецкую чернь, мы видѣли, что всѣ русскіе люди, въ томъ числѣ мѣщане и крестьяне, стараются поторговать съ инородцемъ, даже крещеные и осѣдлые инородцы дѣлаются прикащиками и посредниками купцовъ. Таково происхожденіе богатствъ кузнецкихъ татаръ. Мало того, около Улалы, на границахъ черни, мы встрѣтили, два года назадъ, обозъ русскихъ крестьянъ, простыхъ земледѣльцевъ, которые пришли изъ барнаульскаго округа промѣнять свои произведенія—холсты на дикій лукъ—колбу, вывозимый въ большомъ количествѣ изъ черни. Замѣчательно, что пріемы этого обмѣна были исполнены дѣтской хитрости и стремленія воспользоваться неопытностію еще менѣе развитаго ума. При столкновеніи съ инородцемъ преобразовался въ торговца даже простодушный деревенскій крестьянинъ. Такимъ образомъ мы замѣтили во всѣхъ слояхъ русскихъ одинаковое стремленіе къ наживѣ на счетъ инородца, которое не могло не отразиться на его бытѣ и матеріальномъ блогосостояніи.

Но кромѣ торговли русское населеніе является нынѣ еще и могучимъ конкурентомъ въ дѣлѣ звѣроловнаго и орѣховаго промысловъ. Русскіе крестьяне, подойдя близко къ инородческому району, являются въ чернь за орѣхами, сборъ ихъ составилъ видный промыселъ у русскихъ. Кедроваго орѣха вывозится изъ Алтая сотни тысячь пудовъ. На одной алтайской рѣкѣ, во время нашего

проѣзда, промышляло орѣха до тысячи русскихъ крестьянъ. Инородцы передавали, что русскіе безцеремонно обходятся съ кедромъ часто рубятъ его и обиваютъ озимь. Надо замѣтить, что когда созрѣваютъ кедровыя шишки, въ это время завязываются и новыя. Уничтоженіе новыхъ порослей ведетъ къ неурожаю. Точно также алтайскіе охотники широко раскинули свои промыслы и являются бить звѣря въ инородческій районъ. Русскіе также охотятся на соболя, дикихъ козъ, лисицъ и бѣлкуютъ, при этомъ завладѣваютъ лучшими мѣстами инородцевъ. Торговля и запросъ рынка кромѣ того заставилъ и самихъ дикарей усиленно заняться промысломъ и расхищеніемъ естественныхъ произведеній природы.

Вслѣдъ за торговцемъ и промышленникомъ идетъ въ черпь пасѣчникъ, который обзаводится и скотоводствомъ, наконецъ во многихъ мѣстахъ въ кочевыхъ волостяхъ уже образовались русскія деревни. Крестьянская земледѣльческая культура въ лѣсахъ — дикая культура. Она сопровождается грознымъ явленіемъ, очищеніемъ лѣса и пожаромъ. Дѣвственная тайга и темныя сопки занялись пламенемъ при приближеніи русскихъ; отъ сибирскихъ паловъ высоко поднялись столбы дыма и инородецъ содрогнулся, видя гибель родныхъ лѣсовъ. Сибирское хозяйство привыкло широко раскидываться и вотъ выступила борьба изъ за земли. Многіе инородцы, считающіеся кочевыми, между тѣмъ живутъ деревнями и имѣютъ свои пашни. Таковы кумандинскія волости. Разъ образовался русскій поселокъ—онъ оттѣсняетъ инородца, даже осѣдлаго. На границѣ черни мы были свидѣтелями самыхъ запутанныхъ поземельныхъ отношеній.

Нельзя не признать, что русская культура касалась инородца пока только весьма острыми сторонами своими. Сношеніе съ русскими и обмѣнъ не могъ не произвести своего вліянія на бытъ инородцевъ, мы видимъ у нихъ распространившимися русскія произведенія, жилища, желѣзо, многіе перешли къ осѣдлому образу жизни, но такой переходъ дѣлался самъ собою, въ силу естественнаго невольнаго заимствованія и нельзя не признать, что успѣхи этого были бы дѣйствительнѣе, если бы сумма неблагопріятныхъ условій была менѣе, а экономическое благосостояніе инородца возростало.

Въ связи съ благопріятными и неблагопріятными условіями, среди которыхъ живутъ инородцы, является вопросъ о ихъ сохраненіи отъ вымиранія.

Сумма неблагопріятныхъ условій не могла не отразиться въ

этомъ случаѣ и на алтайскихъ инородцахъ. Общее число алтайцевъ ойротовъ въ послѣднее время равняется 17.014 душамъ а черневыхъ татаръ въ бійскомъ округѣ 5.791 душа.

Число алтайцевъ считается нынѣ болѣе, чѣмъ по прежнимъ исчисленіямъ, но это объясняется большею точностью учета, на самомъ дѣлѣ обѣдненіе вело за собой и большую смертность. Во многихъ мѣстахъ Сибири у инородцевъ, перешедшихъ даже къ осѣдлости, рядомъ съ обѣдненіемъ обнаруживается фактъ ихъ уменьшенія въ числѣ, такъ у барабинскихъ, тарскихъ и особенно тобольскихъ татаръ.

Два видныхъ вопроса выдвигаются такимъ образомъ въ современной жизни инородцевъ, которымъ можетъ оказать услугу научное изслѣдованіе. Это вопросы о причинахъ обѣдненія инородцевъ и о вымираніи, то есть вопросъ о ихъ дальнѣйшемъ сохраненіи и вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ совершаются нормальные переходы къ осѣдлости.

Внеся эти вопросы въ нашу программу изслѣдованія инородцевъ, мы старались связать ихъ съ текущей жизнью и современнымъ положеніемъ инородческихъ племенъ. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что эти вопросы займутъ, впослѣдствіи, видное мѣсто въ связи съ судьбою несчастныхъ расъ, достойныхъ вниманія науки и участія образованнаго міра.

Н. Ядринцевъ.
Чл.-сотр. И. Р. Г. О.

Отдѣльно отпечатано изъ Извѣстій И. Р. Г. О. за 1881 годъ.

Типографія В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., № 45).